

Николай БЕРДЯЕВ

Мутные лики

«Эпопея», № 1 и 2. А. Белый. Воспоминания о А. А. Блоке

Недоконченные воспоминания Андрея Белого об А. Блоке¹ читаются с захватывающим интересом. Хотя в центре этих воспоминаний стоит личность А. Блока, но они безмерно шире своего названия. И тема этих воспоминаний очень глубока. Это — тема о зорях, увиденных в начале века душами поэтов, чутких к грядущему, настроенных профетически. И еще так можно обозначить эту тему: Откровения о Софии у Вл. Соловьева, у А. Блока и А. Белого и отношение этих откровений к предчувствиям грядущей революции. Не есть ли русская революция подлинное откровение Софии в русской жизни? Тут необходимо радикальное изобличение растлевающей лжи, связанной с соблазнительным смешением, чаемого откровения духа, революции духа, с русской внешне революцией 1917 года. А. Белый — самый большой русский писатель за последние десятилетия, единственный с настоящими проблесками гениальности. А. Блок — самый, вероятно, замечательный русский поэт после Фета. А. Белый как явление крупнее и значительнее Блока, но Блок более поэт. И вот оба они за годы революции находились во власти соблазнительной лжи, пленены обманчивыми ликами, не сумели различить духов. Оба были одержимы стихией революции и не нашли в себе сил духовно возвыситься над ней и овладеть ей.

Изумителен профетический характер русской литературы. В течение всего XIX века она полна предчувствий грядущей революции, она необычайно чутка к подземным гулам. Пушкина еще волновала возможность революции в России, и он предвидел ее характер. Лермонтов пишет потрясающее стихотворение: «Настанет год, России черный год, когда царей корона упадет»². Тютчев все время обеспокоен был проблемой мировой революции. Константин Леонтьев в 80-е годы, в эпоху кажущегося благообразия русской монархии, предсказывает, что Россия заразит коммунизмом Европу и поведет в Европу зараженный коммунизмом Китай.

Наконец, Достоевский является уже настоящим пророком русской революции, он до глубины изобличает ее духовные первоосновы и дает ее образы. Достоевский окончательно осознал совершающуюся революцию духа, раскрыл ее внутреннюю диалектику и предвидел ее неотвратимые последствия. Революция духа началась прежде всего в Достоевском, с него началась новая эпоха, как бы новый мировой эон. Даже Вл. Соловьев в этом отношении не так характерен. Для А. Белого и А. Блока Вл. Соловьев есть лишь повод для выявления их собственных софианских переживаний и предчувствий. От действительного, в целостности воспринятого Вл. Соловьева оба они очень далеки, и он не признал бы их. Что общего имеет А. Блок с Вл. Соловьевым как философом, богословом или публицистом, с Вл. Соловьевым как католиком или православным, устремленным к соединению Церквей? Вл. Соловьев прежде всего верил в Христа, а потом уже в Софию; А. Блок прежде всего верил или хотел верить в Софию, в Христа же никогда не верил. Что общего имеют оптимисты грядущего А. Белый и А. Блок с замечательным творением пророческого духа Вл. Соловьева — «Повестью об антихристе»?³ В этом обращении к грядущему, к грядущей катастрофе Вл. Соловьев, как пессимист-апокалиптик, изобличает тот антихристов дух, который пленяет А. Блока и А. Белого. Только несколько софианских стихотворений Вл. Соловьева соединяет с ним А. Блока. Вл. Соловьев очень интересный по темам, но все же второстепенный поэт, много уступающий в поэзии А. Блоку, и нельзя быть соловьевцем, признавая в нем только несколько его стихотворений. А. Блок и А. Белый услышали в Вл. Соловьеве только одно:

Вечная женственность ныне
 В теле нетленном на землю идет.
 В свете немеркнущем Новой Богини
 Небо слилось с пучиною вод⁴.

И вот ставится вопрос о значении и смысле софианских настроений в русской мистике, русской религиозно-философской мысли, русской поэзии. Ведь софианство Вл. Соловьева влияет не только на А. Блока и А. Белого, но также на Флоренского, Булгакова, Эрна. Культ Софии очень характерен для русских духовных течений. И знаменательно, что софианское отношение к России и русскому народу принимает два полярно противоположных направления: то видят софийность в русской самодержавной монархии, то видят ее в русской революции. И в том и другом случае обоготворяется премудрая женственная народная стихия, белая или красная, правды ждут от женственного стихийного начала в народной жизни, а не от мужественного духа, не от духовной активности человека. У самого Вл. Соловьева не было этого обого-

творения народной стихийности, он никогда не был мистическим народником. Но его интимный культ Софии готовы использовать для обоснования мистического народничества.

В учении Вл. Соловьева о Софии и в его софианской мистической поэзии была допущена какая-то ложь, которая породила муть в наших духовных течениях. Вл. Соловьев смешал Софию, Премудрость Божью, Небесную Деву, с земной богиней, с земной женственностью. Потому и возможны стали жуткие остроты о Софье Петровне⁵, предмете любви Вл. Соловьева, в которой Третий Завет — София сочетается со Вторым Заветом — Петровым. Потому только и возможны были записочки с подписью «Софи». Потому так мучительна была для Вл. Соловьева встреча с Анной Шмидт⁶, с самым гениальным образом женственности, какой он только знал в своей жизни, и столь непривлекательной, столь для него отталкивающей. София была прельщением Вл. Соловьева, его романтическим томлением и млением, вечной жаждой встреч и свиданий с Незнакомкой и вечным разочарованием, вечной возможностью смешения и подмен. София не была для Вл. Соловьева Девой его души, его девственностью, его чистотой и целомудрием, как в учении Якова Бёме, самом глубоком и чистом учении о Софии. София Вл. Соловьева не была Дева, которую утерять человек, которую он должен вновь обрести как свою *Virginität* *; это — Женщина, в которой небо слишком смешалось с пучиною вод, с земной стихией. И этот культ Софии не укрепляет, а расслабляет человека, не восстанавливает цельности его андрогинного образа, а раздваивает его. Поэтому София может явиться в каком угодно облики, она может оказаться не только Небесной Девой, но и земной распутной женщиной, может обернуться и «реакционной», и «революционной» стихией русской земли. На этой почве культивируются иррациональные, враждебные Слову, Логосу мистические течения. Поразительна эта пассивность русских религиозных мистических исканий. Русские ждут нового Откровения, откровения Духа, явления Софии, чувствуют себя пронизанными мистическими токами, отдаются зовам неведомого, таинственного Грядущего, склоняются перед мистичностью русской народной стихии, русской земли. Это с трудом понимают западные люди. Западные люди ставят перед собою активную задачу и делают духовные усилия осуществить ее. Их мистика научает их путям духовного восхождения. Их теософия учит их развивать новые органы восприимчивости. Они менее всего понимают состояние ожидания, пассивного мистического трепета перед грядущим. Они или делают революцию, или борются против нее, но не отдаются пассивно ее неизреченному мистическому смыслу. Русские

* девственность (*нем.*).

же мальчики, настроенные мистически, ждут откровения грядущего, устремляют взоры к новым зорям, ощущают себя окутанными мистической стихией, смысл которой остается для них духовно непонятным и невыразимым. А. Блок более всего импонирует своей «невнятицей», «чрево вещанием», неспособностью в Слове, в Логосе выразить свои предчувствия. Это и есть почва для всяких смещений и подмен. Это есть решительное преобладание астральности над духовностью. Когда разразилась революционная буря, А. Блок и А. Белый не в силах были проявить мужественной активности духа, не могли различить духов, они оказались окутанными иррациональной стихией революции, пронзенными ее токами, они пассивно ей отдались и пытались увидеть в революции *Ее*, с которой ждали свиданий. Не есть ли это явление того, что они так долго ждали в пассивном состоянии, что предчувствовали еще тогда, когда в начале века увидели новые зори? Как это соблазнительно, как это утешительно! Наконец что-то великое случилось, таинственная стихия развернулась, противиться ей нет сил. Это — вечно женственная стихия, премудрая в своей глубине, софийная стихия. Она кажется безобразной лишь на первый взгляд, лишь для рационалистического сознания. От нее нужно ждать правды и красоты новой жизни. Удивительно, что «русские мальчики» (употребляю выражение Достоевского) к женственному началу обнаруживают не активно-мужественное отношение, а пассивно-женственное.

А. Белый все время смешивает и отождествляет «революцию духа» с внешней, социально-политической революцией. То же делает и А. Блок. Вот это и есть великая ложь и соблазн, которые должны быть изобличены. Это — антихристова подмена. Во вступительной статье к № 1 «Эпопеи» А. Белый договаривается вот до чего: «В пролетарском «Я» вписан Христос: идеология пролетариата — идеология неузнаваемого христианства Павла, равно восстающая и против христианства Петра и против «Я» буржуа, монополизировавшего в свободе Христа». И далее он разъясняет, что революция духа есть переход от личности, всегда ограниченной и замкнутой, к коллективу, «к коллективному индивидуализму и к героическому космизму, прорезывающемуся явственно в пролетарской культуре»⁷. Революция духа оказывается классовой революцией. Христианство Павла — классовым христианством. Но что такое пролетариат, есть ли это экономическая категория и означает ли она класс фабричных рабочих или, быть может, это категория духовная? А. Белый обосновывает свое оправдание революции на игре словами и двусмысленности. В пролетарском «Я» может быть вписан Христос лишь в том случае, если оно преодолет свою «пролетарскость», как и в буржуазном «Я» может быть вписан Христос лишь в том случае, если оно преодолевает

свою «буржуазность». «Пролетарскость» и «буржуазность» друг друга стоят, это две стороны одного и того же духовного распада. Когда пролетарий находится в наиболее «пролетарском» состоянии, он злобен, завистлив и мстителен, Христа в нем нет. Но рабочий может не находиться в таком «пролетарском» состоянии, и тогда в нем может жить Христос. Христос вписан только в *человеческом* «Я», а не пролетарском или буржуазном. Но революция духа, которой ждет А. Белый, должна, по-видимому, преодолеть и отменить человека, заменить его сверхчеловеческим коллективом. Это и есть антихристов соблазн. В Христе человек, человеческий лик спасается и сохраняется для вечной жизни, в антихристе гибнет человеческий лик и заменяется нечеловеческим коллективом. Вот такой революции духа, которая истребит человеческий лик и заменит его нечеловеческим коллективом, мы, христиане, верные религии Богочеловека и Богочеловечества, должны противиться. Это есть революция, направленная к истреблению вечных основ бытия, она — антионтологична. В творчестве А. Белого погибает человек, не гуманизм, который должен быть преодолен, а человек, образ и подобие Божие, и А. Белый соглашается на эту гибель, видит в ней возникновение новой жизни, нового сознания. Он отдает человека на растерзание космических энергий и космических духов. Он ценит и в антропософии то, что человек для нее является преходящим моментом космической эволюции. София, космическая, а не божественная София, заменила, подменила Христа, и потому перестали видеть человека в Боге. Вместо божественного образа человека повсюду появились маски.

Русская литература последнего двадцатилетия поражена в самых замечательных своих явлениях онтологическим растлением, распадением и распылением бытия. Космические вихри распылили в ней образ человека, образ мира, образ Бога, образ всякого твердого бытия. Это — не моральная, а онтологическая растленность. На этой почве возникает лжемистика. Подлинная мистика есть богообщение, прикосновение к глубинам духовной жизни, к наиреальнейшему, к бытийственному. Современная мистика, связанная с современными литературными течениями, вращается в сферах кризисов человека и кризисов культуры, разложений бытия, она лишь отражает трагическую судьбу души современного человека, она астральна. Показателем духовного недуга является это страшное мистическое самомнение современных поэтов и писателей. Мы живем в эпоху ложной переоценки мистического значения искусства. Слишком многие поэты нашего времени претендуют быть обладателями мистического опыта и мистических прозрений, они смотрят сверху вниз на все остальное человечество. Но в действительности простым смертным легче приобщиться к мистическому опыту, чем современным поэтам, у людей,

простых сердцем, меньше может быть подмен, меньше мути. Поэтический и мистический опыт качественно различается. А. Белый и А. Блок претендуют на мистическое восприятие и мистическое постижение революции. Но они ее только поэтизируют, у них менее всего можно найти распознавание духов революции, так как они сами одержимы ее стихийными вихрями, они лишены свободы духа. В воспоминаниях А. Белого чувствуется дух нездоровой литературной кружковщины, дух превознесения своего небольшого круга. Обратной стороной этой литературщины и кружковщины является преклонение перед «народом», перед его таинственностью и подлинностью. Так обычно бывает. Религиозное заблуждение и сомнение А. Белого и А. Блока прежде всего коренятся в том, что они ждут откровений Третьего Завета, откровений Софии, откровений Духа, не принимая Первого и Второго Завета. Они разрывают время и вечность, прошлое, настоящее и будущее и отдаются ложному кумиру будущего. Они пессимисты в отношении к прошлому и красно-розовые оптимисты в отношении к будущему. Это делает их мистиком по существу атеистом и антирелигиозным. Религия есть связь, обретение родства и близости, преодоление разрыва между прошлым и будущим, введение всякого оторванного мига времени в вечность, воскрешающее почитание предков. Они же хотят оставаться в революционном разрыве между прошлым и будущим. Революционность всегда антирелигиозна, ибо противна установлению связи и родства в вечности между прошлым и будущим. Мистическое упоение революциями, т. е. процессами во времени, разрывающими все связи, всегда антирелигиозно. А. Белый не знает Отчей Ипостаси, ему как будто бы чужд опыт благоговеющего почитания, т. е. значительная часть религиозного опыта. Он настаивает на своем духовно-«пролетарском» происхождении, в то время как христианин должен настаивать на своем духовно-аристократическом происхождении, т. е. ощущать связь с Отчей Ипостасью. Вот почему он думает, что революция духа, творческое рождение новой жизни может совершаться через разрушение, через ненависть и месть в отношении ко всему Отчему. Но подлинным чудом преобразования нашей грешной и дурной жизни было бы, если могла бы в мире совершиться революция любви. Ее только могут ждать христиане. Маркс сделал открытие, что через зло может в мире осуществиться добро, что злоба и ненависть есть путь к высшей социальной гармонии, и за ним пошли огромные массы человечества. Христиане не могут принять этого пути. Но А. Белый и А. Блок не христиане, они только софиане, они поклонились космическим стихиям, и для них это оказалось приемлемым. И напрасно думают все мистически приемлющие революцию, что они максималисты. О нет, они минималисты, они приспособляются к необходимым

и роковым процессам истории, движутся в линии наименьшего сопротивления. Максималистами следует назвать тех, которые силой духа своего противятся стихиям, массам, неотвратимым движениям, которые духовно верны тому, что может и не победить в будущем. Верность попираемому прошлому может быть бóльшим максимализмом, чем покорность торжествующему будущему. В исключительной революционной устремленности к будущему всегда есть недостаток благородства, неверность, отсутствие религиозного благоговения. У Вл. Соловьева было и религиозное благоговение, и верность святыням отцов, и благородное протivление «духу времени». Поэтому с ним мало общего имеют и А. Блок и А. Белый. Почитание Софии как Богочеловечества они заменили почитанием Софии как космической стихии, не божественной и не человеческой.

Революция произошла от духа Чернышевского, а не от духа Вл. Соловьева. И Вл. Соловьева никак нельзя соединить с Лавровым, как на это намекает А. Белый. Революция порождена столетним движением, в линии этого движения мы находим Белинского, Бакунина, Чернышевского, Добролюбова, Михайловского, Лаврова, Плеханова, Ленина, но не находим Чаадаева, Хомякова, Киреевских, Аксаковых, Гоголя, Тютчева, Достоевского, Вл. Соловьева, К. Леонтьева. Все эти, наиболее великие у нас, отнесены к «реакции». Об этом нужно задуматься. Революционеры — «сократики» в том презрительном, ницшевском смысле, в котором употребляют это слово А. Белый и А. Блок. Революция по существу своему есть доведенный до крайности рационализм. Крайний социализм и крайний анархизм — предельно рационалистические системы. Русский большевизм есть предел рационалистического безумия. Революционизм всегда движется не только жадной разрушения, но и неистовой волей к окончательной рационализации общества, к совершенному порядку, организованному коллективному разумом. Революция не хочет знать органически-иррациональных сил общества, хотя сама она является иррациональной силой. В этом антиномичность революции. А. Блок и А. Белый, связанные с скифством и левым эсерством, представляют последнюю трансформацию русского народничества. Но коренная ложь народничества в том, что оно поклоняется массовой стихии вместо духа, количеству вместо качества. Народничество есть порождение интеллигентского сознания и интеллигентских настроений. Для этого сознания и этих настроений народ есть тайна, в этой тайне скрыта правда, скрыт Бог, перед тайной этой нужно склониться. Это — гетерономное, а не автономное сознание. В основе его лежит бессилие себя ощутить народом и в своей глубине раскрыть Бога и правду. Неясность и «невнятица» в собственной глубине проецируется вовне, в народную стихию. Для тех, которые

сами себя сознают народом, народничество лишено всякого смысла. Правда, новая жизнь, Бог раскрываются в собственной глубине, которая есть народная, сверхличная глубина.

Воспоминания об А. Блоке не окончены, и трагическая судьба А. Блока еще не раскрыта А. Белым. Трудно сказать, как он это сделает, если dokonчит свои воспоминания. Но судьба А. Блока — очень значительная и знаменательная судьба. В ней совершилась трагическая гибель ложной софианской романтики, изобличилось ее внутреннее бессилие. «Прекрасная Дама» не реальна, не онтологична у А. Блока. К бытийственной Софии тут нет даже отдаленного касания. Все погружено в мутную и двоящуюся атмосферу. И нет духовного сопротивления этой мути и двоению. «Балаганчик», очень замечательная вещь А. Блока, есть гибель «Прекрасной Дамы». Изобличается нереальность, неподлинность, неонтологичность всего. Мрак нарастает в душе А. Блока. Но вот за несколько лет до смерти еще раз А. Блоку является призрак «Прекрасной Дамы», Софии, в страшном, небывалом обличье. Он увидел Ее в образе русской революции. Тут образ Софии погружается в окончательную мусть и погибает всякая явность в восприятии образа божественности. А. Блок жестоко, смертью расплатился за свою галлюцинацию, за страшный обман, которому он поддавался. Он пишет «Двенадцать», изумительную, почти гениальную вещь, лучшее, что было написано о революции. В «Двенадцати» дается подлинный образ русской революции со всей ее страшной жутью, но двойственность и двусмысленность доходят до кощунства. Тут А. Блок позволяет себе страшную игру с ликом Христа. Романтическое, мечтательное софианство А. Блока не открыло ему пути к восприятию образа и лика Христа. Через Христа только можно преодолеть соблазн двоящихся мыслей. После этого жизнь А. Блока погружается в окончательный мрак. Вновь меркнет для него обманчивый образ «Прекрасной Дамы», и он остается перед бездной пустоты. Он умирает от духовной болезни, от объявшего его душевного мрака и неверия. А. Блок — неверующая душа, всю жизнь тосковавшая по вере. Он видел обманчивые зори, миражи в пустыне и не увидел истинной зари. Так в трагической судьбе его изобличается ложь всего этого пути, всего этого течения в русской духовной жизни. Литература предчувствовала революцию, революция в литературе совершалась раньше, чем в жизни. Но пророком может быть назван лишь тот, кто духовно возвышается над той стихией, о которой он пророчествует. После смерти А. Блок был венчан первым русским поэтом, и справедливо. Поэт не обязан быть духовным учителем и пророком, но виновны те, которые хотят его таким сделать.

